

Яков Шехтер

БЫВШИЙ АГЕНТ МОССАДА

В «Хилтоне» все очень дорого. За номер на пятницу–субботу дерут безумные деньги. Но роскошь, роскошь! Царская мебель, шахские ковры, королевская ванна, а постель будто из «Тысячи и одной ночи»; вот только ложиться в нее одному — настоящее преступление!

Обеды и ужины как в лучшем ресторане. Облизываешь не только пальчики, но и руку до самого локтя. А выбор — глаза разбегаются. Вкусно — желудка не хватает перепробовать и половины.

Ну и пусть, что дорого — он может себе позволить. Все-таки четыре своих магазина, продажа и ремонт электроники. Что продаем, то и ремонтируем. Это уже торговая сеть, и он только в начале пути. Если... если эта сумасшедшая баба не остановит....

Кофе после ужина Илья заказал в номер. Включил любимую музыку и сидел возле окна, наблюдая, как оранжевое солнце садится в фиолетовые волны. Закат всегда пробуждал в нем воспоминания детства. Он вырос на Черном море и, оказавшись в Израиле, попросил поселить его в Тель-Авиве неподалеку от набережной. Речь шла о нескольких днях, затем нужно было снять квартиру и перебраться.

На второй или третий вечер, еще проживая в гостинице за счет министерства абсорбции, Илья пошел смотреть закат. Увы, вместо теплой ностальгии он нарвался на непривычные ощущения. В Одессе солнце садилось за спиной, ровно освещая водную гладь или волны, в зависимости от погоды, а утром поднималось из моря розовой Авророй.

Завершающим аккордом каждого школьного выпускного вечера была встреча восхода. Десятиклассники со всего города шли пешком по темным, пахнущим рассветной свежестью улицам, собираясь на Приморском бульваре. Илья запомнил ту ночную прогулку, как большой кайф, особенно мгновение, когда краешек солнца появился из морской пучины.

Они заорали, запрыгали, кто-то, подражая выпускникам Уэст-Пойнта, швырнул вверх фуражку. Восторг и счастье, символическое начало новой жизни, долгожданной зрелости, свободы и равноправия.

В Тель-Авиве все было наоборот. Смотреть на море оказалось невозможным; солнце важно и медленно опускалось в волны, слепя глаза. Самым обидным было то, что аборигены спокойно сидели лицом к морю за столиками многочисленных кафе или просто на скамейках, невозмутимо наблюдая закат. Он ушел разочарованным, сам не понимая, на кого и за что злится.

Но не прошло и двух недель, как Илья незаметно для себя приоровился смотреть на волны, не замечая слепящего диска, и, приловчившись, стал получать немалое удовольствие от последних мгновений уходящего дня.

В этом неспешном погружении красного в зеленое скрывалось ничуть не меньше символики, чем в утреннем расставании багрового и черного. Может быть, поэтому, осторожно попивая горячий, ароматнейший кофе, Илья начал вспоминать прошедшие годы.

Тель-Авив он принял сразу. Было в этом городе что любить и чем наслаждаться. Улицы старых кварталов напоминали Одессу. Не архитектурно, хотя первым архитектором таки был одессит, а чем-то неуловимым, родным и понятным, что, наверное, называется аурой. Илья не любил «духовные» словечки, однако ничего более подходящего так и не смог подобрать.

Многие из отцов-основателей Тель-Авива действительно приехали из Одессы, но кроме названий улиц и восторженных возгласов экскурсоводов, от них давно и следа не осталось. За сто лет почти все поменялось, вот только атмосфера, да-да, аура, намертво вцепившаяся в камни домов, старые деревья и булыжники, давала о себе знать, словно едва уловимая мелодия. Кто-то ее слышал, а кто-то лишь недоумевающе пожимал плечами. Илья слышал.

Иврит он выучил еще в Одессе, поэтому, минуя курсы языка, сразу отправился на поиски работы — ремонт бытовых приборов. Телевизоры, видеоманитофоны, стиральные машины послушно разверзали свое электронное нутро под его ловкими пальцами. Неисправности Илья не вычислял, а чувствовал, подобно тому, как ощущал ауру старого города. Никто его этому не учил, да и вряд ли такому можно научить.

Подробности своего трудоустройства он всегда вспоминал с большой теплотой. Во время одной из прогулок по кварталам старого города он увидел странный дом, обклеенный теннисными ракетками. Даже стульчик у входа был сделан из ракеток. Илья остановился, разглядывая это чудо, и тут его окликнули откуда-то сверху.

— Эй, парень, не сыграешь со мной партию?

Илья поднял голову и увидел в открытом настежь окне второго этажа немолодого мужичонку с ракеткой в руках. В юности Илья увлекался настольным теннисом и даже сдал на первый юношеский разряд.

— Почему бы и нет? — отозвался он.

Мужичонка играл неплохо, хорошая реакция, быстрый ответ, но возраст, возраст — как ни крути, Илья его опережал. Сыграли несколько партий. После второй мужичонка представился именем библейского пророка Иехезкеля, можно просто Хези, после третьей предложил выпить кофе.

Пока Илья, стоя у окошка, рассматривал черепичные крыши старого города, Хези заварил крепчайший, очень пахучий, очень сладкий кофе.

— И где так здорово научился играть? — спросил он, когда, усевшись в старые, плетеные из камыша кресла, они начали осторожно отхлебывать горячую черную жидкость.

— В Одессе.

— О, славный город, много о нем слышал. А что тут делаешь?

— Да я только приехал, — честно ответил Илья, — ищу жилье, хотел бы поселиться у моря.

— Хм-м-м, а что ты еще умеешь делать, кроме тенниса?

— Чиню домашние электроприборы.

— Любые?

— Ну, почти любые.

— А вот глянь, у меня тут радио играть перестало.

Хези поднялся и подвел Илью к стоящему в дальнем углу комнаты древнему ламповому приемнику.

— Откуда у вас эта музейная редкость? — Илья уважительно погладил бока полированного ящика.

— Музейная? — удивился Хези. — Он сорок лет работал без остановки. Всего пару месяцев назад сдох.

— Дайте посмотрю.

Илья развернул приемник, снял крышку и быстро пробежал пыльные внутренности сначала глазами, потом пальцами. Устроены эти аппараты были проще пареной репы, не сравнить с нынешними агрегатами.

— Лампа перегорела, — вынес он приговор, рассмотрев на свет стеклянную колбу.

— Можно заменить? — спросил Хези.

— Можно, только где такую взять? Их давно перестали производить.

— А ну пойдём.

Они спустились на первый этаж, Хези отпер дверь в комнату, заваленную всяким хламом, распахнул деревянные жалюзи. У стенки стоял еще один приемник, по виду куда более роскошный, чем первый.

— Этот испортился много лет назад, — произнес Хези, отодвигая в сторону картонные коробки, мешающие подойти к приемнику. — Глянь, может ты из двух поломанных сумеешь собрать один работающий?

Илья залез во внутренности и удивленно присвистнул. Внутри приемники ничем не отличались один от другого. Вернее, это был тот же самый аппарат, только в ином корпусе.

— Да, тут есть такая же лампа, — сказал он через минуту, сдувая пыль с детали. — Вид у нее целый, давайте попробуем.

Когда загорелся зеленый глазок и комната наполнилась звуками восточной музыки, Хези восхищенно взмахнул руками.

— Э, парень, да ты на все руки мастер! Где сейчас работаешь?

— Пока нигде.

— А где живешь?

— Тоже нигде.

— Что, бомжуешь? — напрягся Хези. Такой стиль явно не совпадал с его представлениями о правильном образе жизни.

— Пока нет, — успокоил его Илья. — Живу в гостинице от министерства абсорбции, но послезавтра пора выезжать.

— Хорошее у тебя положение, — усмехнулся Хези. — Нигде не работаешь, нигде не живешь. Славно, славно. Ну, пойдём, погуляем.

Шел Хези быстро, нервно подпрыгивая через шаг, точно птица. Спустя десять минут петляния по улицам Илья сбился и уже

не понимал направления. Впрочем, повода для волнений не было, потеряться в тридцати улочках старого Тель-Авива практически невозможно.

Резко свернув в очередной проулок, Хези остановился перед витриной, заставленной новой и старой электроникой. Тут же распахнулась дверь, и на улицу вышел неопределенного возраста полный мужчина, одетый в типично тель-авивском неряшливом стиле. Широкие шорты болтались под животом, захватанная пальцами футболка свободно свисала, на ногах были шлепанцы-вьетнамки.

— О, Хези, здорово, брат! — вскричал толстяк, протягивая широкую ладонь для рукопожатия. — А это кто с тобой?

— Твой новый работник, — ответил Хези, звучно хлопая толстяка по ладони. — Причем со вчерашнего дня.

— Ну, если ты говоришь, — осторожно заметил хозяин магазинчика. — А что он умеет чинить?

— А все.

— Такого не бывает.

— А ты проверь. И аванс парню выплати, он комнату у меня снимает.

Хозяин, не говоря ни слова, вытащил из кармана несколько банкнот.

Возвращались молча, у Ильи было ощущение, что он попал в кино.

Подойдя к дому, обклеенному ракетками, Хези спросил:

— Комнатка на первом этаже тебе подойдет? Хлам вынесем, кровать и шкаф найдем. О плате не беспокойся, много не возьму, расплачиваться будешь теннисом, одна партия каждый день, а по выходным — три партии.

— С удовольствием! — воскликнул Илья, чувствуя, как жаркое крыло фортуны задевает его лицо.

Так из гостиницы в центре Тель-Авива Илья переселился прямо в старый город, на улицу, проложенную параллельно морю. Потом, спустя несколько недель, он спросил у Хези, почему хозяин мастерской послушался его без второго слова.

— Потому, что этот поц обязан мне жизнью.

— Откуда ты знаешь одесское ругательство?

— Почему одесское? — удивился Хези. — Одессу я уважаю, но не нужно тащить все одеяло на себя.

— Так от чего же ты его спас? От разорения, тюрьмы, неудачной женитьбы?

— Куда проще, — усмехнулся Хези. — В семьдесят третьем на Голанах я вытащил его из подбитого сирийцами горящего танка.

Когда Илья впервые привел к себе Эйнав, Хези отозвал его в сторону и негромко произнес:

— Ты, конечно, взрослый мальчик, но учти, что вводишь в свой дом хищника.

— Тебе кажется, — вскричал ослепленный любовью Илья. — Она добрая и кроткая, мухи не обидит.

— Муху, возможно, и не обидит, — хмыкнул Хези, — а вот тебя запросто.

Но это было потом, потом.

Работать он начал прямо на следующий день. Платили поначалу немного, но хозяин мастерской, видя его успехи, прибавлял зарплату каждые несколько месяцев. Спустя год Илья уже твердо стоял на ногах, а через два стал подумывать об открытии собственного дела.

В этом мире все приходит обоймой, и счастье, и несчастье. Многие называют это периодом, полосой, вспоминают то зебру с ее черно-белой шкурой, то еврейский талес с черно-белыми полосками. Илья открыл собственную мастерскую и влюбился практически в один и тот же день.

Влюбился до беспамятства. Эйнав поразила его воображение. Такой яркой, бесстыдной красоты ему еще не доводилось видеть, тем более держать в руках. Из восточных: смуглая, стройная, с тяжелой грудью, она передвигалась мягко и быстро, словно хищник. Илья не мог оторвать глаз от ее звериной грации, огромных глаз, вишневых губ.

Эйнав пришла в мастерскую починить портативный магнитофон. Быстро выяснилось, что эта красотка изучает юриспруденцию в Тель-Авивском университете. Илья отложил в сторону все дела, попросил ее подождать и занялся починкой. Она как зачарованная следила за полетом его пальцев, вскрывающих аппарат, извлекающих из вороха деталей перегоревшую. Он хотел поразить девушку, и ему это удалось. Получив деньги, он намеренно уменьшил сумму, выписал квитанцию и пригласил клиентку в кафе.

— Это входит в обслуживание? — спросила Эйнав.

— Это уже вошло в мое сердце, — покраснев, выдавил он.

— Не быстро ли? — улыбнулась красавица.

Илья заполучил ее после долгих ухаживаний, а заполучив, влюбился еще больше. Такого урагана в постели он еще не встречал. Потом выяснилось, что ураган — он везде ураган. Эйнав могла швырнуть в стену бокал с красным вином. И наплевать, что все вокруг перепачкается. Или грохнуть об пол стеклянную миску с салатом. Или разорвать его рубашку, сломать зубную щетку, выкинуть за окно книгу.

Потом она извинялась, ластилась и несколько дней после примирения была сладкая, хоть к ране прикладывай. А уж по ночам, в порыве раскаяния, любила так нежно и страстно, что Илья с радостью прощал ее бешенство и нелепые выходки.

— Как ты будешь работать адвокатом? — спрашивал он в ласковые минуты затишья после схватки. — У меня эта профессия ассоциируется со спокойствием и выдержкой. Адвокат — прежде всего холодный ум, трезвый расчет, острый взгляд на вещи. А ты как смерч, как вихрь, как самум!

— Миленький, — усталым голосом отвечала Эйнав. — Мало ли, что тебе кажется? Кто из нас учится на юридическом, ты или я? Твои представления о моей профессии запорошены пылью и покрыты мхом. Ты их почерпнул из старых книг и древних фильмов. Сегодня многое изменилось и выглядит по-другому. Я ведь не берусь тебе объяснять, как чинить стиральную машину, а ты, пожалуйста, не учи меня, как должен выглядеть адвокат.

Спустя три года он устал от этого урагана. Захотелось пожить в тихой гавани. На развод подала Эйнав, по-звериному правильно расценив его отказ от супружеской постели. Он-то, дурачок, объяснил себе этот поступок ураганной реакцией, хорошо знакомым ему взрывом бешенства. Увы, быстро выяснилось, что в этом случае ураганом было все заранее учтено и спланировано.

Эйнав потребовала разделить поровну оба магазина. Тогда их было только два.

— Как же так? — удивился Илья, выслушав требования ее адвоката. — Причем здесь Эйнав? Магазины я создал своими собственными руками, она не имеет к ним ни малейшего отношения

— Магазины относятся к категории совместно нажитого имущества, — сухо объяснил адвокат. — По нашим сведениям, на момент

свадьбы у вас была только крохотная мастерская по ремонту бытовой электроники. Верно?

— Верно, — согласился Илья. — Но я пахал с утра до вечера, не покладая рук, а Эйнав только тратила заработанные мною деньги. Она понятия не имеет ни об электронике, ни о маркетинге.

— Это абсолютно не важно, — отрезал адвокат. — Повторю, по закону, все ваши приобретения после ремонтной мастерской называются совместно нажитым имуществом.

— Но это несправедливо!

— Смотря с чьей точки зрения. Вообще, прежде чем говорить высокие слова, я бы попросил вас ознакомиться со следующими фотокопиями.

Он протянул ему папку и с усмешкой добавил.

— Уверен, они сделают вас сговорчивее.

Илья открыл папку, глянул и чуть не упал со стула. От обиды и злости у него потемнело в глазах. В папке были аккуратно подшиты фотокопии «черных» чеков, которые он не обналичивал через кассу, а отдавал Эйнав на ведение хозяйства. Ими она рассчитывалась в бакалейной лавке, у зеленщика, покупала питы и джахнун в йеменской пекарне.

Пролистав бумаги в папке, Илья с горечью осознал, что Эйнав шила на него дело больше года. То есть она уже давным-давно, когда он еще и не думал с ней расставаться, начала готовить почву для развода.

— Ну, что скажете? — с едва заметной усмешкой спросил адвокат. — Предлагаю закрыть дело полюбовно, а оригиналы, — он с ловкостью фокусника выхватил у Ильи из рук папку, — вместо передачи в налоговое управление, предать огню.

И тогда Илья объявил ей войну. Пока только в своем сердце, но зато без компромиссов и поблажек. До самого победного конца.

Он встал, не говоря ни слова вышел из конторы и отправился прямо к Хези. Илья давно уже оставил его домик с ракетками и снимал, по настоянию Эйнав, квартиру в центре города. К Хези он наведывался пару раз в месяц, сыграть партию-другую в теннис. Сейчас ему нужен был дельный совет, вернее, рекомендация.

— О-хо-хо, — покрутил головой Хези, выслушав сбивчивый рассказ Ильи. — Нечего сказать, умная женщина. И предусмотрительная.

— Вернее, подлая! — вскричал Илья.

— Называй это как хочешь, суть не меняется. Что ты решил делать?

— Мне нужен адвокат. Самый лучший! Я хочу избавиться от претензий этой бабы. Любыми способами!

— Любыми? — поднял брови Хези.

— Раз она начала с подлости, я не вижу причин вести себя с ней по-джентльменски.

— О-хо-хо, — снова вздохнул Хези.

Он встал, приготовил кофе и молча выпил его вместе с Ильей.

— Утешать тебя не собираюсь, — произнес он. — Получаешь то, что заслужил. Адвоката тебе дам, волчару из матерых. Порвет твою Эйнав на куски.

— Существуют способы убедить суд оставить без внимания материальные претензии одной из сторон, — объяснил адвокат. — Я не хочу, да и не могу о них говорить. Но могу подсказать, к кому обратиться.

Он вытащил из письменного стола визитную карточку и положил перед Ильей.

— Этот парень — бывший агент Моссада. Был очень успешным, но оказался чересчур самостоятельным. То ли кому-то дорогу перешел со своим мнением, то ли сделал что-то наперекор начальству. Его аккуратно спровадили, однако позволили открыть частное сыскное агентство. Ну, он теперь не шпионов ловит, а собирает компромат на мужей или жен. Опыт у него огромный, а хватка звериная. Все, что он предложит, выполняйте без сомнений.

Контора частного детектива располагалась в престижном офисном здании в центре Тель-Авива. Поднимаясь в бесшумном, сияющем чистотой лифте на шестнадцатый этаж, Илья прикидывал, сколько тут нужно выложить за самую скромную контору и пришел к выводу, что за услуги бывшего агента растрясти мощну придется весьма основательно.

Но выхода не было. Половина бизнеса, которую в случае неудачи пришлось бы отдать этой твари, стоила куда больше. Он внутренне подобрался и вошел в офис детектива с улыбкой на губах, словно пришел выбирать новый автомобиль.

Несмотря на столь роскошную контору, бывший агент Моссада выглядел весьма простецки: потертые джинсы, несвежая футболка, мятое лицо. Мимо такого на улице пройдешь, не заметив.

— Да, Хези мне уже звонил, — сказал он, потягивая кофе из одноразового бумажного стаканчика. — Рассказывайте.

Илья быстро изложил суть дела, без стеснения объяснив, чего хочет.

— За этот месяц, — ответил бывший агент, закуривая дешевую сигарету, — вы четвертый, кто обращается ко мне с подобным делом.

— И что это значит? — осторожно спросил Илья.

— Это значит, — картинно помахивая горячей сигаретой, объяснил бывший агент, — что эмансипация приносит свои плоды.

— И как с этим быть?

— Пусть гносеологи думают, а наша с вами задача выглядит намного скромнее. Мы должны представить суду доказательства супружеской измены, и тогда рассмотрение дела пойдет по другому руслу.

— Но... — замялся Илья, — моя бывшая, она никогда...

— Это никому не интересно, что происходит на самом деле. Суд рассматривает документы, а вот истиной займется другой суд, — бывший агент весьма выразительно ткнул сигаретой вверх. — Сценарий у нас отработан, роли разучены, только артисты меняются, чтобы судьи не заподозрили.

Итак, план действий таков: мы отслеживаем маршруты вашей жены, затем отправляем к ней парня, якобы пораженного ее женской статью. У нас есть специальная квартира в центре Тель-Авива, и главное — заполучить даму на эту квартиру.

Никакого откровенного компромата не нужно, достаточно показать суду снимки, как дама входит в дом, в квартиру, как обнимается с мужчиной. Идет речь о дружеском объятии или о начале любовной схватки — неважно. Завершающий кадр: мужчина и женщина сидят рядом за столом. Этого достаточно.

Камеры автоматические, все снимут сами. Ваше дело — платить. За аренду квартиры на время работы с вашей супругой, за посещение ресторанов и кафе влюбленной парой, ну и за работу, разумеется. Точной суммы я пока не знаю, могут возникнуть накладные расходы. Давайте начнем с аванса.

И он произнес такую сумму, от которой у Ильи заломило виски.
«Если это аванс, — с ужасом подумал он, — каким же будет окончательный расчет?»

Бывший агент увидел его смятение и успокоил:

— Аванс, на самом деле, это две трети от конечной суммы. Так что не волнуйтесь и раскошеливайтесь. И вот еще что, вам надо поговорить с парнем, коварным соблазнителем. Рассказать ему о привычках вашей экс-жены, что она любит, а чего не любит. Парень должен действовать наверняка, второй попытки в этом деле не будет, поэтому выкладывайте все, включая самые интимные подробности.

Илью замутило. Дело выглядело и грязным, и подлым, и он на какое-то мгновение засомневался, стоит ли продолжать. Но вспомнив папочку с аккуратно подшитыми фотокопиями чеков, отбросил в сторону сомнения. Эйнав спала с ним, ни одним жестом не выдавая подлинных намерений, ходила с ним в рестораны, покупала на его деньги дорогие вещи, шутила, смеялась и все это время копила материал для суда и следствия. Сука!

Мнимый любовник оказался красивым молодым парнем, демобилизовавшимся полгода назад. Таким способом он зарабатывал деньги на путешествие по Южной Америке.

«Восточный красавчик, из сефардов, — в сердцах подумал Илья. — Вместо того чтобы отыскать честную работу, специализируется на выполнении подлостей! Арабская ментальность! Жили столько столетий рядом с двуличными врунами, вот и научились!»

Илья с трудом удержался от того, чтобы впарить красавчику пару ласковых слов, но вовремя вспомнил, для чего сюда пришел и что они теперь в одной команде. Не удержавшись, он все-таки буркнул сквозь зубы грязное русское ругательство и по удивленно взлетевшим вверх бровям красавчика понял, что ошибся.

— Ты знаешь русский?

— Знаю, но плохо. Ругательства, который час, бабушка я хочу кушать...

— Это бабушка тебя обучила русскому мату? — хмыкнул Илья.

— Нет, я в спецназе служил. Там были несколько парней, от них и научился. И от настоящих русских тоже.

— А где ты их нашел?

— У нас стажировался российский спецназ, команда Альфа.

— Альфа, — уважительно произнес Илья. — Слышал про Альфу.

— Хорошие ребята. Я их водил вечером по Тель-Авиву, но не сказал, что понимаю русский. Слышал, как они говорят: нормальная цивилизованная страна, а вокруг сплошной мрак. Как они столько лет удерживаются против всей этой мрази?

— А когда же они матерились? — улыбнулся Илья. Красавчик начал ему нравиться.

— Да через слово, — улыбнулся тот в ответ. — Особенно, когда что-то не получалось.

— Не получалось? У Альфы? — удивился Илья.

— Да, не получалось. Они накачанные, как лоси, и очень хорошо подготовлены к рукопашному бою. Только сегодня побеждают не этим.

— А чем?

— Да вот устроили им учения с ребятами из спецназа нашего генерального штаба. Альфа должна была пронести по определенному маршруту чемоданчик, груз. Ну, свозили их на местность, они изучили обстановку, осмотрелись. Потом познакомили с нашими. Наши внешне ничем не выделяются, скромные такие, вроде щуплые ребята, а тут эти лоси накачанные. Слышал, как один буркнул другому: что еще за шмакодявки? Маршрут ночью проходили. Альфовцы нацепили приборы ночного видения, акустику какую-то и двинулись. наших ребят они увидели, когда они поставили им мелом крестики на спинах.

— Ну, может, это случайность, — возразил Илья. — Все-таки наши дома, а те в гостях.

— Да нет, это с ними постоянно происходило, собственно на это их и пытались натаскать.

— Ну и как, получилось?

— Как сказать, с переменным успехом. Что-то они поняли, а что-то нет. Мне надоело дурака валять, и я стал с ними говорить по-русски. Три недели их тут гоняли, в конце мы даже подружались. Очень они в гости звали, обещали показать, что такое настоящий лес и настоящая рыбалка.

— И ты поехал?

— Еще нет, но собираюсь.

Красавчика звали Алексом, и после получасового разговора Илья к нему сильно расположился. Было в этом парне скрытое

обаяние, которое только портила смазливая внешность. Илья выложил ему все до самой последней ниточки, они расстались друзьями и почти договорились встретиться каким-нибудь вечером, поужинать, поговорить. И только возвращаясь домой, Илья понял, что сам пал жертвой Алекса и оценил кадровую политику бывшего агента Моссада.

Агент звонил ему после каждого пройденного этапа, рассказывал о ходе операции. Сначала под задний бампер машины Эйнав установили маячок, и за неделю с его помощью составили маршруты ее обычных поездок. Затем, выйдя из косметического кабинета, куда она навевывалась три раза в неделю, Эйнав обнаружила спущенное колесо своего автомобиля. К счастью, молодой человек, владелец припаркованной рядом машины, как раз вернулся на стоянку и, увидев прекрасную даму в полном замешательстве, предложил помощь.

После трех встреч в хорошем ресторане, за которые, разумеется, платил Илья, Эйнав согласилась прийти на свидание домой к ухажеру. Страстный поцелуй, закрепивший согласие, не оставил сомнений в успехе предприятия.

Все сорвалось из-за досадной случайности. Авария, мелкая авария перед светофором, водитель идущей сзади машины не рассчитал и немного помял бампер автомобиля Эйнав. При ремонте маячок обнаружили, сообщили Эйнав, она обратилась за советом к своему адвокату, тот принялся расспрашивать, вышел на Алекса и сразу все понял.

Бывший агент Моссада весьма огорчился, маячок стоил кучу денег. Хорошо, хоть страховка была, иначе бы Илье пришлось заплатить и за это. От другого варианта подловить Эйнав он отказался.

— Я не фаталист, — объяснил он бывшему агенту, — но если столь верно налаженное дело расстраивается так легко и бесповоротно, есть в этом знак свыше.

— Рука Небес, ну-ну, — хмыкнул агент. — Но желание заказчика для нас закон. Желаю удачи.

На том и расстались. Истинную причину отказа Илья объяснять не стал. Да и как объяснить липкое ощущение стыда, с которым он просыпался последние недели. Чем дальше эта история уходила в прошлое, тем больше он понимал ее мерзость. Все-таки не зря агента вышибли из Моссада, и не зря адвокат не захотел даже го-

ворить о способе убедить судей не принимать во внимание материальные претензии одной из сторон.

— Не получилось, так не получилось,— развел руками адвокат, явно не желавший выслушивать подробности. — Разумеется, часть вашего имущества отойдет к другой стороне, но я постараюсь свеести урон к минимуму.

Тем временем пришла повестка в суд. Первое заседание назначили через полгода, поскольку детей не было, их дело рассматривалось одним из последних. Илья постарался выкинуть из головы Эйнав с ее претензиями.

«Надо надеяться на лучшее, — повторял он себе. — Теперь я свободен. В жизни не так много удовольствий, надо просто наслаждаться, чем возможно».

Перед закатом он закрывал мастерскую, в которой сидел практически безвылазно, и шел к морю. Шел не спеша, наслаждаясь видом пестрой тель-авивской толпы, запахами из ресторанчиков и кафе, бесшабашной игрой уличных музыкантов и особенно архитектурой. Восхищавший всех Баухауз оставлял его равнодушным, в рациональной лапидарности этого стиля он не находил ничего прекрасного. Илью восхищала эклектика: все эти случайно собранные на одном фасаде колонны, окна разных форм, мавританские арки, дорические каннелюры — безумная смесь стилей, вызванная к жизни фантазией заказчика.

Он приходил всегда к одному и тому же месту на набережной, усаживался на скамейку и созерцал закат, словно театральную постановку. Иногда Илья искренне сожалел о том, что не курит, сигарета очень бы помогла созерцанию. Он несколько раз попробовал, но так и не сумел понять, как люди втягивают в себя эту гадость. А ведь со стороны курильщики выглядели очень живописно, вьющийся дымок доводил картину умиротворения почти до совершенства.

Иногда он брал с собой маленький термос с кофе и отпивал по глоточку, разглядывая плывущую мимо толпу. Особенно его развлекали возвращающиеся с моря купальщицы. На тель-авивском пляже купались в любую погоду, туристам из холодных стран израильская зима казалась летом.

Ах, эти скандинавские туристки! Тут было на что посмотреть, вернее, полюбоваться, чем Илья и занимался, причем самым без-

застенчивым образом. Но купальщиц это не смущало, то ли им были приятны взгляды красивого молодого мужчины, то ли привычка к перманентной эпатажности начисто атрофировала реакцию на мужское внимание.

Илья всегда старался сесть на одно и то же место. Если бы его спросили, чем оно лучше других, он бы вряд ли сумел объяснить. Наверное, ответ скрывался в его стремлении к постоянству и уравновешенности. Именно этого он ждал от Эйнав, но так и не сумел получить.

Через две скамейки от него частенько сиживала старушка из йеменских евреев, чистенькая, серьезная, в кофейного цвета галабее, белых шальварах и кожаных сандалиях, надетых прямо на коричневые ступни. Голову покрывал затейливый тюрбан, а на шее висело три или четыре ожерелья из почерневшего серебра, как нельзя лучше подходивших к темному личику старушки.

Она кормила котов, медленно, по горсточке доставая корм из мешочка. Зверюги сбегались к ней со всей набережной. Место тут было совсем не голодное, многочисленные туристы всегда бросали кусочек от принесенного на пляж бутерброда в ответ на требовательное мяуканье. Но к старушке коты липли, как железные опилки к магниту. Сидели на скамейке рядом с ней, лежали на тротуаре, прогуливались вокруг, гордо задрав хвосты. Илья иногда пересчитывал усатые морды, выходило от пятнадцати до двадцати пяти.

После нескольких таких встреч Илья не удержался и спросил Хези, не знает ли он старушку с набережной, добрую бабушку тельавивских котов.

— А, это Хамама, — тут же ответил Хези. — Одни считают ее сумасшедшей, другие называют скрытой праведницей. Есть в Йемене город Сана, в нем столетиями жили коэны, потомки первосвященников. Каббала текла по улицам этого города словно дождевая вода во время ливня. Хамама — потомок одного из самых уважаемых родов Саны.

— А почему она праведница, да еще скрытая? — удивился Илья. — Из-за того, что котов кормит?

— Потому, что никого не учит жить и ни к кому не лезет в душу.

Илья ничего не ответил, но запомнил слова Хези и в одну из горестных минут разочарования миром и обиды на людей подсел к старушке.

— Зачем вы кормите котов, они ведь лоснятся от сытости?

Старушка подняла голову и внимательно посмотрела на Илью. Взгляд ее выцветших голубых глаз был совсем не старческий.

— Ты тот самый на все руки мастер, который жил у Хези?

— Да! Откуда вы знаете?

— Я себя кормлю, а не котов, — произнесла Хамама, пропустив мимо ушей вопрос Илья. — Всевышний посылает пропитание каждой твари. Если я постараюсь, то Он сделает меня своим посланником, а буду сидеть сложа руки, этой чести удостоится другой.

Илья тяжело вздохнул и без обиняков спросил:

— Как жить, как терпеть эту муку дальше?

— А кто тебе сказал, что ты живешь? — негромко прошелестела Хамама.

— М-м-м-м... — замычал Илья. — А что же я тогда делаю?

— Ты не живешь, а изо всех сил пытаешься удовлетворить свои желания. Настолько, что ничего кроме них вокруг не замечаешь. А жизнь, — тут Хамама многозначительно взглянула на сиреневое предзакатное небо над Тель-Авивом, — жизнь куда больше, чем получение удовольствий.

Нотация изрядно разозлила Илью. Захотелось ответить, и порезче, но он сдержался.

— Но если я полностью отождествился со своими страстями, откуда мне в голову может прийти что-то иное, кроме них? — ехидно спросил он.

— Вопрос хороший, — удовлетворенно кивнула Хамама. — Есть над чем подумать.

— Я об этом давно размышляю, но ни до чего и не додумался. Может быть, вы знаете ответ?

— Наша традиция учит искать ответы в старых книгах, а не у праздных старушек, — ответила Хамама. — Отправляйся в синагогу, поговори с раввином.

— У меня от книжных ответов скулы сводит, — бросил Илья. — А в синагоге я от тоски умираю.

— Вот в этом-то и состоит работа, — сказала Хамама, поглаживая запрыгнувшую к ней на колени кошку.

— Работа, — презрительно фыркнул Илья, поднимаясь со скамейки. — Работы мне и без того хватает. Вот по это самое место! — Он провел рукой по горлу и повернулся, чтобы уйти.

— Когда захочешь узнать подробности, приходи, — сказала ему в спину старушка.

Илья не ответил и, махнув рукой, пошел прочь.

Он сам не понимал, что с ним происходит. Внешне все оставалось ровным и гладким, бизнес успешно развивался, принося все больше денег. Илья мог позволить себе дорогие удовольствия, как вот этот конец недели в «Хилтоне», просто так, без всякой на то нужды, ведь гостиница находилась в десяти кварталах от его дома, а пообедать и поужинать он мог в любом из лучших ресторанов Тель-Авива.

Но дома он уже не мог найти ни отдыха, ни умиротворения, поэтому искал их в дорогой гостинице. Мир, еще совсем недавно обжитой до плавного скольжения, стал чужим и далеким. Спасала только музыка. Вот и сейчас, наблюдая, как оранжевый шар медленно катится к линии горизонта, он слушал Рами Кляйнштейна, пытаюсь найти забвение в мелодиях его песен.

Скрытая праведница или сумасшедшая старушка Хамама, разумеется, говорила дело. И надо, надо было как-то узнать больше о жизни и о самом себе. Но только не от представителя «официоза»!

Раввинов и чернополых книжников Илья не то, чтобы не любил, но переносил плохо. Еще в Одессе он несколько раз заходил в синагогу и честно высиживал всю эту занудную тягомотину. Напевы кантора напоминали завывание ветра в пустыне, а закутанные в полосатые бело-черные накидки фигуры молящихся представлялись Илье верстовыми столбами по дороге в никуда.

Ему сразу совали в руки молитвенник с переводом на русский язык, но от чтения становилось лишь хуже. Бесчисленные косноязычные просьбы, изложенные корявым языком, — разве к ним можно было отнестись серьезно?

В Тель-Авиве религия меньше вплетена в повседневность, чем в других городах Израиля. Он считается наособицу вольным, свободным и открытым. Такая атмосфера вполне устраивала Илью, именно по этой причине он старался реже покидать Тель-Авив.

Да, о жизни хотелось бы узнать больше, но из иного, незамутненного ортодоксией источника. Существуют же в мире иные духовные учения, всякие там дзены, агни-йоги или что там еще? Неужели у них нельзя научиться чему-то подобному? Эта мысль, подобно поплавку, то всплывала на поверхности его мыслей, то уходила внутрь подсознания.

Допив кофе и проводив солнце, очередной раз утонувшее в Средиземном море, Илья пересел в глубокое кресло — мебель в «Хилтоне» была что надо — и развернул газету. Читал он только на иврите, к этому его приучила Эйнав.

В первое их совместное утро выходного дня, когда он, подав любимой кофе в постель, достал какой-то журнальчик на русском языке, Эйнав преподнесла ему хороший урок.

— Что это? — с нескрываемым презрением спросила она.

Илья испугался, ему почудилось, будто в чашку с кофе попал таракан. Насекомые чувствовали себя в доме с ракетками вполне вольготно, и, хотя Хези то и дело проводил дезинфекцию, их это, похоже, не пугало.

— Да вот это, вот это, — брезгливо ткнула Эйнав пальчиком ноги в журнал.

Ах, этот пальчик! Простыня, прикрывавшая девушку, сползла, отчего Илья моментально потерял голову. Тогда, в самом начале их любви, Эйнав действовала на него, точно наркотик, от одного ее взгляда он терял волю и следовал за ней, точно бычок на веревочке. Тут же речь шла не о взгляде, а о всем великолепии ее красоты.

— Хочешь иметь дело со мной, — провозгласила она, — переходи на иврит.

— Но почему? — робко спросил Илья, не в силах отвести глаз от открывшегося зрелища. — Что плохого в русском языке?

Эйнав, прекрасно понимая свою власть над ним, медленно произнесла, чуть ли не выпевая каждое слово.

— А в том, мой милый, что от нашей с тобой возни могут родиться дети. И я хочу, чтобы они разговаривали на святом языке, а не на жаргоне погромщиков.

Она поставила кофе на столик и призывно протянула к нему руки. Позабыв обо всем на свете, Илья обнял коричневое, тугое и жаркое тело.

— Обещай мне, — прошептала Эйнав, — что в нашем доме будут книги и газеты только на иврите. Если тебе будет трудно, я помогу.

— Обещаю! — вскричал Илья. — Обещаю!

В тот момент он мог пообещать что угодно: даже весь день ходить на четвереньках или спать на потолке. Но по счету пришлось платить немедленно — пока он мылся в душе, Эйнав бы-

стро собрала с полок все, на чем были русские буквы, и сложила на пол у двери.

— Удивительно, что ты не подготовила к выбросу мой диплом и другие документы!— вскричал он, перебирая бумажную кучку.

— Милый, — ответила Эйнав, щедро прижимаясь к его спине грудью, — неужели ты думаешь, что твоя подруга столь глупа?..

Илья вскочил из кресла, прерывая поток воспоминаний, и за метался по номеру:

— Сука, сука, сука! Подлая тварь!

Он злился на нее за разрушенную мечту, за счастье, которое когда-то наполняло его, как горячий воздух наполняет монгольфьер, и улетучившееся, подобно тому же воздуху, через дыру в оболочке. Боже, как он ее любил, как готов был сделать для нее все, что угодно, и как ненавидит теперь!

Немного успокоившись, Илья вернулся в кресло и снова развернул газету. Он уже научился читать ее по диагонали, годы тренировки под плотным контролем Эйнав принесли свои плоды.

На одной из последних страниц он заметил небольшое объявление, набранное оранжевыми буквами:

— Интенсивное духовное путешествие. Вход только для приглашенных.

Под объявлением мелким шрифтом был напечатан линк сайта, где, по всей видимости, размещалась подробная информация.

«Странная манера рекламы, — подумал Илья. — Явно экономят место в газетном объявлении. Понятно, каждое слово стоит немалых денег. Но все-таки, надо же как-то увлечь внимание читателя, заставить его набрать ссылку. И при чем тут “приглашенные”?!»

Он перевернул страницу, просмотрел газету до конца и вернулся к разделу новостей. Окончательно стемнело, небо полностью слилось с морем, лишь время от времени на черном пологие вспыхивали быстро увеличивающиеся огни: это заходил на посадку очередной самолет.

Рами Кляйнштейн тихонько пел в смартфоне, от плотного ужина клонило ко сну. Да-да, вот это и есть настоящий отдых, пойти спать в девять вечера и встать после полудня. Илья посмотрел на зазывно белеющую постель, уронил газету и, зевая, стал растягивать рубашку. Сняв рубашку, он наклонился, чтобы развязать

шнурки на ботинках и уперся взглядом прямо в страницу с оранжевым объявлением.

Взяв смартфон, он остановил музыку и быстро набрал линк.

«Два дня безостановочной погони за правдой», — гласил заголовок. Ниже значилось: «Уникальная, удивительная, неповторимая возможность принять участие в психологическом тренинге по системе Бранды Вайс. Коучер прилетит из Амстердама, чтобы встретиться со своими последователями и помочь им подняться на еще одну ступень духовного совершенствования».

«Интересно, интересно», — вяло подумал Илья, одной рукой стаскивая туфлю и большим пальцем другой прокручивая текст на смартфоне. Глянул и остолбенел. Это были его собственные слова, его мысли, кем-то услышанные и выложенные в пространство Сети.

«То, что мы привыкли называть жизнью, для большинства людей представляет собой непрерывную цепь неудач и разочарований. Как терпеть эту муку? За два дня интенсивных занятий Бранда Вайс выведет вас из сумерек на солнечную сторону улицы. Ведь жизнь — это нечто большее, чем получение удовольствий».

Не задумываясь, Илья ткнул пальцем в «записаться», заполнил форму, хмыкнул, увидев стоимость тренинга, и отправил заявку. Выйдя из душа, он на всякий случай заглянул в смартфон. Ответ уже пришел.

«Еще бы, — подумал он, открывая письмо, — за такие деньги отвечают немедленно».

«К сожалению, — гласил ответ, — все места уже забронированы. Если хотите, мы можем предложить вам встречу с израильским ведущим, получившим право от Бранды Вайс на самостоятельное ведение семинаров.

— Нетушки! — вскричал Илья, выключая телефон. — Рыба не бывает второй свежести, только первой. Не получилось, так не получилось, значит — не судьба.

Выходной день пролетел, сверкнув огнями, точно самолет, и снова настали будни, заполненные бесчисленным количеством хлопот, крупных и мелких дел, забот и беготни. Илья позабыл о психологическом тренинге по системе Бранды Вайс и весьма удивился, получив электронное письмо. Его приглашали на встречу с дипломированным ведущим нового тренинга по психологии.

— Какого черта! — возмутился он, заноса палец, чтобы стереть письмо. — Спасу нет от этого спама. Откуда им известен мой адрес? Упс!

Он вспомнил, как заполнял заявку на участие в семинаре и раздраженно покачал головой — теперь не отцепятся. Самое простое — не отвечать.

За три дня Илья получил семь писем с приглашением на встречу. В конце концов, ему это надоело.

«Я хотел принять участие в семинаре с Брандой Вайс, — быстро написал он, — но мест уже не было. Видимо, потому, что не получил приглашения! Разговоры с ее учениками меня не интересуют».

Ответ пришел почти сразу.

«Бранда лично просмотрела письма тех, кому не хватило места, и назначила каждому коучера. Она весьма сожалеет, что так получилось. В общем-то ее вины тут нет, просто наши организаторы не рассчитывали на такой наплыв желающих. К следующему приезду Бранды все просчеты будут учтены. Что же касается приглашения, то речь, разумеется, идет не о формальном заполнении бланка. Вы услышали зов и откликнулись, значит, были званы на уровне более высоком, чем тот, куда может проникнуть человеческое сознание».

— Хм, — сказал себе Илья. — Хм, а ведь это звучит интересно и убедительно. Почему бы не попробовать?

Он предполагал, что встреча с ведущим будет в четыре глаза, некая уютная, располагающая беседа. Но вышло совсем по-другому. Гостиная квартиры в фешенебельном северном районе Тель-Авива была переполнена, сидели на стульях, на диванах, три человека пристроились прямо на ковре. Ведущих было двое: высокий, очень худой парень с располагающей мимикой и девушка. Девушка сидела вполборота к Илье, и он поначалу не мог ее разглядеть, зато парня видел очень хорошо. Они, судя по всему, и были ведущими, обещанными лично для каждого, пришедшего на встречу.

— Новый путь, открытый Брандой, — начал ведущий, — на самом деле совсем не новый. Она прямо говорит, что не пришла совершать открытия и расширять горизонты. Все, о чем пойдет речь, мы уже знаем, Только не даем себе труда задуматься, сосредоточить свое внимание. Итак, начнем с того, что поговорим о самом

близком, о самом известном и самом любимом нами человеке — о нас самих.

Ведущий сделал многозначительную паузу и важно оглядел присутствующих. Илья с трудом сдержал скептическую ухмылку, амбициозность этой преамбулы могла соперничать только с ее тривиальностью.

— Давайте условимся с самого начала, — продолжил ведущий. — Нас никто не раздражает и не гневит. Эта наше раздражение и наш гнев, и нам самим с этим нужно справляться. Как? Этому и учит Бранда Вайс.

Он распинался в таком же духе еще минут десять. Илью охватило хорошо знакомое ощущение, которое он испытывал всякий раз, попадая на такого рода семинары. Надо сказать, что примерно то же самое он чувствовал, оказавшись в синагоге.

Взрослые люди самозабвенно играли в свою игру, отдаваясь ей с увлеченностью малых деток. Тут, внутри замкнутого пространства единомышленников, их слова имели вес и смысл, казались значимыми, способными изменить реальность. Но стоило сделать шаг за пределы уютной комнаты, как мир вступал в свои права, начисто сметая придуманные построения. Возможно, для самих игроков иллюзия продолжала жить и на стылом ветру реальности, ведь лучше всего человек обманывает самого себя, но постороннему наблюдателю ничего не стоило ткнуть пальцем в вопиющее несоответствие между ожидаемыми результатами и настоящей жизнью.

Илья уже начал жалеть, что притащился на это сборище, но тут парень передал слово девушке, и все мгновенно изменилось.

Он увидел ее. Или она его. Их взгляды встретились, сердце Илья затрепетало, а в душе что-то вспыхнуло. Просто от того, как она поглядела и улыбнулась. О, сколько всего было в этой улыбке: и радость, и симпатия, и... призыв. В общем, он пропал сразу, на месте, бесповоротно.

Потом, перебирая в памяти происшедшее, Илья пытался понять: улыбка Тали была предназначена всем или только ему? Тогда, сидя напротив нее, он был уверен, нет, больше, мог бы поклясться, что только ему. Но в смутные преддрасветные часы, ведь уснуть в ту ночь не удалось, он стал сомневаться.

Возможно, ему показалось? Возможно, это просто прием опытной ведущей, знающей, как вызвать симпатию слушателей? Сим-

патию?! Ко всем чертям, он влюбился в нее, как мальчишка! Если это профессиональный ход, Тали явно превысила дозировку. А значит... а значит, она вовсе не столь опытна, если вызвала у одного из адептов такие сильные чувства.

Нет, новый путь Бранды Вайс тут ни при чем, произошло то, что вечно происходит между мужчиной и женщиной, нечего ломать голову и подыскивать объяснения. Она понравилась ему, а он, вне всякого сомнения, понравился ей. У Ильи были в жизни романы, и он хорошо представлял, как говорит и выглядит женщина, питающая к нему теплые чувства. Ничем иным нельзя объяснить сияющие глаза Тали, ее улыбку и тон.

— Мы рабы наших эмоций, — начала свое выступление Тали. — Чувство предшествует пониманию. Сначала рождается эмоция, а затем сердце приказывает голове отыскать обоснование. И разум покорно строит дорогу в том направлении, которое указало ему чувство. А где здесь сам человек, его личность? Неужели он вечный пленник этой растяжки между сердцем и головой? Бранда Вайс нашла способ, как вырваться из рабства, понять, что происходит, отделить себя от эмоции и возобладать над нею. Эмоцию невозможно отбросить сразу, нужно убаюкать ее в себе, приручить, а потом оседлать. Это непросто, это целая техника. Новый путь учит именно этому. Тот, кто решится выйти на дорогу, может записаться на семинар ко мне или моему напарнику. Наши визитные карточки на столе. Добро пожаловать!

Народ сразу столпился вокруг стола, те, кто успели схватить карточки, окружили ведущих, завязав с ними оживленную беседу. Илья сидел, не двигаясь, им внезапно овладела робость. Самым разумным и простым было записаться к Тали на семинар, но он почему-то не решался. Когда он, наконец, отважился подойти к столу, визитных карточек уже не осталось.

Кто-то тронул его за рукав. Илья обернулся и с изумлением увидел рядом с собой Тали.

— Я вижу, все уже расхватили, — сказала она, и от этих слов, а главное, от ее близости Илью окатила горячая волна восторга.

— Пожалуйста, — она протянула ему две карточки. — Вот эта моя, а эта...

— Не нужно вторую! — воскликнул Илья. — Запиши меня к себе.

На семинары к Тали он ходил два раза. В общем, все выглядело вполне достойно, но не совсем так, как он предполагал. То, о чем говорила ведущая, его совершенно не задевало. Главным представлением была сама Тали, он рассматривал ее во все глаза, как рассматривают породистую лошадь.

Поначалу украдкой, но быстро осмелев, вернее, утратив всякий стыд, принялся пялиться на нее. Как она ходит, как наклоняется, как пишет на доске, как садится на стул и как встает с него. Она не могла не заметить его жаркие взоры, но не подавала виду, и это явно говорило в его пользу.

На третий раз Илья перешел к решительным действиям. Попросил у Тали личную беседу и, оставшись наедине, сразу предложил встретиться «не в рамках».

— Нет, я так не могу, — испуганно воскликнула девушка. — Профессиональная этика не позволяет.

— Что за этика? — удивился Илья. — Я перейду к другому ведущему, если тебя это смущает.

— Нет, дело не в этом. Подопечные часто путают благодарность ведущему со своими чувствами. Поэтому нужен продолжительный перерыв в отношениях.

«Ну, совсем неплохо, — подумал он. — Могла ведь сказать: “Ты, Илья, не в моем стиле”. Или: “Об этом не может быть и речи”. Надо поднажать».

— Но я ведь с самого начала... ты мне сразу очень понравилась... просто не знал, как познакомиться, оттого и записался на семинар.

— Это уже не важно, — улыбнулась Тали, и сердце Ильи сладко сжалось. — У всякого пути есть свои правила. Ты выбрал его, и теперь придется пройти по нему до конца.

— А сколько это, продолжительный перерыв? — спросил он. — Для меня неделя — очень много.

И тут, в этот самый момент, он понял, вернее, признался самому себе, что влюблен и мучается от одной мысли о таком сроке. Он попал в ловушку с этими идиотскими сеансами, не надо было записываться на семинар, а сразу идти к цели. Идея, вначале показавшаяся ему прекрасной, привела его в западню.

— Хорошо, тогда жди две недели, — снова улыбнулась Тали. — А потом... потом встретимся. Мой телефон есть на визитке. Толь-

ко смотри, — она шутливо погрозила пальцем, — на семинар ни ногой.

Он оставил машину и пошел домой пешком, через весь Тель-Авив, улыбаясь от счастья. Любимый город обнимал его, будто река, огни кафе и ресторанчиков нежили взоры, а мелодии уличных музыкантов ласкали слух. Надежда изменила все вокруг, словно включили свет и темное неустроенное пространство жизни заиграло теплыми красками. Мрачное, безнадежное будущее снова стало казаться радостным и многообещающим.

— Как все просто, — шептал он, слегка покачиваясь, словно пьяный. — Боже милосердный, до чего все просто!

Первую неделю он не жил, а ждал. Каждый день ходил к Хези, пытаясь с помощью тенниса избавиться от снедающего жара.

— Что с тобой происходит, парень? — спросил Хези после пятой или шестой партии. — У тебя даже ракетка дрожит.

Илья попросил его сделать кофе и во всем признался.

— Любовь дело хорошее, — медленно произнес Хези, дослушав до конца сбивчивый рассказ. — Но не забывай, ты до сих пор женатый мужчина!

— Да-да, конечно! — воскликнул Илья, совершенно позабывший об этом досадном недоразумении. — Но тут совсем другой случай.

— Другой не другой, — хмыкнул Хези, — но на твоём месте я бы постарался побольше узнать про объект своей страсти.

Илья не стал возражать. Он хорошо помнил маленькое пророчество Хези об Эйнав. Тогда, в пылу любви, он не обратил на него внимания и, положив руку на сердце, даже если бы и обратил, поступил бы точно так же. Сейчас все выглядело по-другому, его чувство к Тали было совсем иным, более глубоким, более острым, хотя её аура очень походила на дурман, который вился вокруг Эйнав.

«Вот же слово, точно репейник!» — в сердцах подумал Илья, но никак не мог сказать по-иному.

Сейчас, после горького урока, преподнесенного милой женошкой, он решил действовать осторожно и последовать совету Хези.

Бывший агент Моссада равнодушно выслушал его просьбу, словно речь шла о заказе билетов на самолет.

— Да, мы оказываем и такого рода услуги. Все, что хотели бы знать о человеке всего за тысячу долларов.

— Что? — не поверил своим ушам Илья. — Тысяча долларов за справку?

— Мы поставляем стандартный пакет информации, — невозмутимо ответил бывший агент. — Ты думаешь, первый обращаешься к нам с такой просьбой? Таких сотни! А на всякий спрос всегда находится предложение. И мы продаем информацию.

— А что в нее входит? Тысяча долларов — это очень большие деньги!

— Верно! Но и файл будет немаленьким. В него поместится вся жизнь клиента. Ссуды в банках, аварии, состояние здоровья, последние триста операций банковского счета, друзья детства. Судебные иски, штрафы, деловая активность, посещение врачей и направления на проверки. Поездки за границу, дефлорация, если была, любовные связи, принимаемые лекарства, выкидыши, аборты, покупки в дьюти фри за последние три года. Все, понимаешь, все. Частной жизни больше не существует. Человек сегодня — это файл в компьютере.

— Да мне не нужно столько, — ответил ошеломленный Игорь. — Я просто...

— Ладно, сколько ты готов заплатить? — перебил его бывший агент.

— Ну, долларов двести пятьдесят, триста.

— Хорошо, я выдам тебе информацию на такую сумму. Приходи завтра.

На следующий день бывший агент вручил ему пачку листов, густо покрытых черными жучками ивритских букв.

— Как для постоянного клиента, я сделал тебе скидку. За твои триста — весь файл.

Илья расплатился, вышел из офиса и, усевшись в автомобиль, пробежал глазами листы. Ничего особенного, длинный список друзей и знакомых: школьные подруги, однокашники в универе, три любовника, небольшой плюс в банке, места работы, подозрение на камни в почках, штраф за стоянку в непозволенном месте, напряженные отношения с сестрой и прочая ерунда. За что он выложил 300 долларов? Выбросил деньги на ветер!

Но с другой стороны, полное отсутствие чего-то подозрительного и есть результат, причем именно тот, который он хотел получить!

Аккуратно уложив листки в «бардачок» машины, Илья поехал домой, поставил машину и отправился к набережной. Вечер выдался душным, но не знойным, до настоящей жары было еще больше месяца. Он сидел на любимой скамейке, наблюдая за сияющей в лучах заката поверхностью моря, а воображение услужливо рисовало заманчивые сцены предстоящей встречи.

Сладкие мечты то и дело перебивали мысли о листках, оставленных в машине.

«Вот ведь оно как получается. Живет человек, любит, плачет, ходит к врачу, делает долги, радуется поездкам, воображая, будто это все его личная, частная жизнь. А где-то рядом сидит в своем офисе какой-нибудь бывший агент Моссада и аккуратно фиксирует на компьютере все события и мелкие подробности».

Он вспомнил, какой вид клизм использует Тали, страдающая запорами во время месячных, и ужаснулся: неужели и о нем кто-то составляет такое же досье?

Впрочем, ему-то нечего скрывать! Вся его жизнь, как на ладони: работа с утра до вечера, редкие развлечения, неудачная женитьба, ну, какие-то мелкие мухлевания с налоговым управлением. А после истории с чеками Эйнав он начисто обрубил эту практику, ведь проверка по наущению его экс-супруги могла нагрнуть в любой момент.

А с другой стороны, что скрывать Тали? Самая обыкновенная жизнь, учеба, работа, увлечение практикой Бранды Вайс. Судя по листкам, доходов это занятие практически не приносит, Тали ведет семинары на добровольных началах. И, тем не менее, дело на нее составили по всей форме, от А до Я.

«Кто же этим занимается? У кого так много свободного времени, чтобы отслеживать и фиксировать частную жизнь обычных людей? Откуда у них такие возможности и насколько законна такая деятельность? Нет, она явно противозаконна, и тот, кто пользуется ее плодами, тоже нарушает закон. Значит, к моему личному делу сегодня добавился новый пункт, совсем не безобидный».

Мрачные мысли не давали покоя, и он изо всех сил пытался вытеснить их предвкушением предстоящего свидания.

Когда мимо Ильи прошли покрытые каплями непросохшей воды две белокурые скандинавки со сгоревшей, пунцовой кожей, он чуть ухмыльнулся, представив, какая жаркая им предстоит ночь. На

мгновение его мысли вернулись к листкам, полученным от бывшего агента, он сообразил, что какая-то мелочь показалась ему странной... Но он отмахнулся от этого, решив еще пометчать, а вернувшись к машине еще раз заглянуть в листки. Подумаешь, очередная пустяковая заноза в памяти, мало ли таких?! Куда приятнее было представлять подробности будущего свидания. Решил, но позабыл.

Тали он позвонил ровно в назначенный день. Еле дождался полудня и, глубоко вздохнув, набрал номер. Она ответила совсем другим голосом, с такой интонацией говорили лишь заинтересованные в Илье женщины. Он даже зажмурился, не веря своему счастью. И тут же предложил встретиться вечером.

— А где? — спросила Тали.

— Я знаю один очень симпатичный ресторанчик в Керем а-Тайманим, — сдерживая восторг, ответил Илья. — Давай в семь у мечети на набережной.

— Давай, — тут же отозвалась Тали. — До встречи.

Керем а-Тайманим, Виноградник Йеменцев — район на стыке старого Тель-Авива и Яффо — Илья знал наизусть. Когда-то, в середине двадцатого века каждый третий дом Керема был синагогой, йеменцы любили молиться своей семьей, без чужих. Старики поумирали, а молодые отошли от традиций и разъехались кто куда по просторам страны. Теперь каждый третий дом превратился в ресторанчик или кафе.

Большинство были так себе, но пара-тройка хороши. Подавали в них сефардские блюда: йеменские, марокканские, алжирские. Столики стояли прямо на узких улочках, днем под сенью больших зонтиков, а вечером — освещенные гирляндами разноцветных лампочек. Илья иногда забредал туда поужинать, просто посидеть, подышать атмосферой праздника.

Тали ждала его возле мечети, построенной в самый разгар Первой мировой войны Хасан-беком, сумасбродным губернатором Яффо, и одета была под стать: легкие шальвары подчеркивали стройность фигуры, а прозрачная блузка позволяла видеть черный бюстгальтер.

— Ты словно гурия! — воскликнул Илья, протягивая руку.

— Ты ошибся, — ответила Тали, отводя его руку и вместо приветствия нежно прикасаясь губами к его щеке. — Я пери и пришла тебя погубить.

— Губи же, только поскорей! Нет моих сил ждать.

— Погибнуть надо с умом, — улыбаясь, ответила Тали, беря его под руку. — Так куда мы идем?

От ее слов, от запаха ее духов, от нежности губ, от доступной близости столь желанного тела голова Ильи пошла кругом.

— Перед гибелью неплохо поужинать, — сказал он, локтем прижимая к себе ее руку. — Ты любишь триполитанскую кухню?

— Обожаю!

— Значит, мы на правильном пути.

Они сели за самый дальний столик, под еще не сложенным зонтом.

Илья протянул Тали меню, но та оттолкнула его длинным указательным пальцем с миндалевидным ногтем:

— Полагаюсь на твой вкус.

Он заказал большие йеменские лепешки — обязательно горячие! — плотный хумус, обрамляющий лужицу тхины посреди тарелки, щедро посыпанный красной паприкой и черным перцем, кубе — коричневые, хрустящие пирожки из бургуля с бараниной — и мусаку — баклажаны, запеченные с мясом и помидорами.

Готовили тут быстро, Илья даже не успел завязать разговор, как стол стал покрываться тарелками и подносами.

— Ты что, решил погубить мою диету? — шутливо вскричала Тали.

— Тебе не нужна диета, — уверенно ответил Илья, вспомнив, что в досье ничего не говорилось о склонности Тали к полноте.

— Почему ты так думаешь? — удивилась она.

— Несколько килограмм тебя только украсят.

— Ты совсем, как моя мама, — махнула рукой Тали. — Она тоже все время переживала, что ее дочь слишком худая.

— Хорошо, когда есть мама, — вздохнул Илья.

— Увы, — вздохнула в ответ Тали. — Уже нет. Но не будем о грустном, лучше расскажи о себе, — попросила Тали.

— Когда подадут кофе. Давай есть, пока не остыло.

В качестве главного блюда он заказал куриные сердца. Разумеется, со смыслом, и Тали поняла его сразу, как только на блюде перед ними очутились шампурсы, издающие одуряющий аромат жареного мяса. Взгляд, которым она одарила Илью, был более чем красноречив.

Он принялся стаскивать источающие коричневый сок сердечки с шампура и раскладывать их по тарелкам, как вдруг услышал требовательное «мяу». Возле стола сидели на плитках тротуара два уличных кота и неотрывно смотрели на Илью. Вид у них был отменный: блестящая шерсть, круглые откормленные морды, уши торчком, длинные пушистые хвосты метрономно подметали тротуар. Судя по всему, жилось им в районе ресторанов сытно и привольно, и сейчас они пришли за данью.

Илья улыбнулся и бросил каждому по сердечку. Коты важно принялись за еду, Тали радостно захлопала в ладоши. Илья окинул взглядом ее улыбающееся лицо и замер на несколько секунд. Давно забытое прошлое прыгнуло ему на плечи.

Четвертый класс одесской средней школы. Одиннадцать лет, первая любовь. Ее звали Ритой, и еще много лет после той весны это имя вызывало в нем сладкую дрожь. Они сидели в разных концах класса, просто подойти и заговорить он не решался. Во время уроков он то и дело бросал на нее жадный взгляд, словно желая прикоснуться. По правде, он еще не понимал, для чего нужны эти касания, просто до смерти хотелось держать ее руку. Пальцы у нее были такие же тонкие, с миндалевидными ноготками, как у Тали, но любил он ее, как любят только в первый раз, самозабвенно, до остановки дыхания.

Случилось чудо. Он хорошо помнил тот вечер, как, улегшись на продавленный диван, повернулся лицом к стене, подоткнул поудобнее подушку, опустил веки — и увидел котов. Они прошли перед его глазами, неторопливо и важно, серые уличные коты, помахивая хвостами.

Он не понял, что это должно обозначать, сел, потом снова лег, опять закрыл глаза, но котов не увидел. Дальше все было, как обычно.

Чудо произошло на следующий день. Их классная руководительница затеяла пертурбацию, решив рассадить учеников так, чтобы отличники тянули троечников, а хорошисты, сидя рядом, соревновались друг с другом.

Его пересадили к Рите. Он с небрежным видом плюхнулся рядом, бросил: «Привет!» — и вдруг почувствовал, как закончился воздух.

— Привет, — тихонько сказала Рита. — Надеюсь, теперь ты перестанешь пялиться на меня.

Илья обомлел. Ему-то казалось, она его вообще не замечает, а тут...

Вместо ответа он стал вытаскивать из ранца учебники и тетради, словно готовясь к следующему уроку. Рита все поняла, еле слышно фыркнула, точно кошка, и тоже занялась учебниками.

Илья просидел с ней за одной партой три месяца, до конца учебного года. Увы, Рита не ответила ни на одну из его попыток задружиться. Несколько раз ему досталось неожиданное счастье: его нога по ошибке прикасалась к ее ножке. От этого прикосновения он вздрагивал, точно от удара электрическим током. Рита немедленно отодвигала ножку и сердито смотрела на него, чуть нахмутив брови.

Три месяца летних каникул Илья провел на даче в Дофиновке, далеко от города, и не было дня, чтобы он не вспоминал о Рите и не рисовал в мечтах их встречу. Впервые в жизни он с нетерпением ожидал начала учебного года — каникулы, прежде пролетающие быстро, слишком быстро, теперь тянулись невыносимо долго.

Он прибежал в школу за час до начала первого урока, уселся за парту и, с трудом сдерживая нетерпение, наблюдал, как постепенно заполняется класс. Прозвенел звонок, вошла классная, но Рита так и не появилась. Оказалось, ее родители получили новую квартиру и переехали к черту на кулички, куда-то на Черемушки.

Несколько дней он пытался разузнать ее новый адрес, пока одна из ее подружек не сказала, плохо маскируя глумливую насмешку:

— А зачем? Рита терпеть тебя не может.

— Как? — только и смог вымолвить Илья. — Почему?

— По кочану. Она несколько раз просила классную вас рассказать, но та велела потерпеть до конца года.

Месяц он ходил сам не свой, мать даже потащила его к врачу, потрясенная внезапной пропажей аппетита у прожорливого сына. К концу первой четверти он пришел в себя, а к Новому году полностью излечился. Лишь проходя мимо стенда в вестибюле школы, где красовалась фотография Риты, занявшей первое место в каких-то соревнованиях, он не мог удержаться от дрожи и сладкого замиранья сердца. Но потом и это прошло.

— Что с тобой? — спросила Тали. — Подавился?

— Все в порядке! — Илья поставил перед ней тарелку с жареными сердцами. — Угадай, какое из них мое?

— Ты перепутал, я пери, а не людоедка! — улыбнулась Тали, подцепила вилок сердечко и отправила в рот.

В одном из окон дома на другой стороне узкой улочки зажегся свет, затем окно отворилось, и негромкая музыка волной окатила Илью. Это была его любимая песня Рами Кляйнштейна — «Маленькие подарки». Он часто слушал ее в последнее время, все больше принимая несложную мудрость слов. Да, в юности он ждал больших рывков, великих свершений, но теперь убедился, что это морок голливудских фильмов, а в жизни все дается большим трудом, за который иногда перепадают маленькие подарки.

Илья поглядел на Тали, придвинул под столом свою ногу к ее ножке и осторожно прижался. Она подняла брови, улыбнулась и накрыла его ладонь своей.

Он был уверен, что эту ночь они проведут вместе, у него или у нее. Увы, закончив ужин, Тали попросила проводить ее до машины.

— Завтра трудный день, хочу выспаться.

Илья не стал настаивать. На прощание он попытался поцеловать Тали, но та выскользнула из его объятий.

— Не торопись, милый. Не торопись. Позвони послезавтра.

Они встретились через три дня. На сей раз Илья выбрал китайский ресторанчик неподалеку от старой тель-авивской таможни. Его особенность состояла в том, что держали его настоящие китайцы, желтолицые и узкоглазые. Никому и в голову не приходило, что китайцы на самом деле были евреями, причем соблюдающими, поэтому ресторан был кошерным.

Это обстоятельство немало позабавило Тали. Она затеяла разговор с хозяином заведения и быстро выяснила, что речь идет не о новообращенных, а о настоящих евреях, потомках сефардов, приехавших в Китай двести лет назад.

Илья обнял Тали, когда они выходили из ресторана, прямо под красным бумажным фонариком с черными иероглифами. Ее губы пахли лапшой и кунжутом, но Тали дала ему только прикоснуться к ним своими губами и тут же отстранилась.

«Видимо, у девушки такие темпы сближения, — подумал Илья. — Делать нечего, придется потерпеть».

Они снова распрощались у машины, он не попытался ни обнять ее, ни поцеловать. Тали поняла и в знак прощания нежно провела ладонью по его щеке.

— Позвони послезавтра. В девять вечера, ладно?

Ни послезавтра, ни через три, ни через четыре дня Тали не снимала трубку. Илья бесился, дергался, но держал удар — звонил один раз ровно в девять и, выслушав очередную порцию длинных гудков — отключался.

Она позвонила спустя неделю. Ровным, словно ничего не произошло голосом, спросила как дела, чем он занят завтра. Выслушав его нарочито спокойный ответ, что он завтра с самого утра готовится к встрече с ней, Тали хмыкнула, помолчала несколько секунд, а затем произнесла:

— Ладно, вознагражу тебя за терпение и верность. Завтра к пяти приезжай ко мне в Герцлию.

— Но у тебя же квартира в Кфар-Сабе, — ответил Илья и тут же понял, что сморозил глупость. О квартире он знал из досье.

— Откуда тебе известно? — Голос Тали напрягся.

— Ты сама сказала, — нашелся Илья, и добавил для пущей убедительности: — Когда мы котов кормили.

— Я такого не помню, но неважно, неважно. У меня две квартиры, одна в Герцлии, другую родители оставили в Кфар-Сабе. Живу я в Герцлии, адрес тебе скину эсэмэской. Только без глупостей, не воспринимай мое приглашение, как зеленый свет. Не пытайся меня обнимать и целовать, не говоря уже ни о чем другом. Мы только в самом начале пути, время еще не пришло. Просто посидим, попьем кофе, поговорим. Если хочешь, принеси свои любимые пирожные.

— А ты какие любишь? — перебил он.

— Заварные из Капульского. Так договорились?

— Конечно, договорились.

— Тогда до встречи.

От этих ее слов, от прямоты и нежной интонации, он завелся еще больше, точно мальчишка, ожидающий первого свидания.

Пирожные Илья купил в Герцлии и с картонной коробкой в руках медленно поднялся на четвертый этаж, не рискуя заходить в лифт. Мало ли что может произойти с капризной техникой. Он не мог себе позволить застрять и провести золотые минуты не в постели с Тали, а в ожидании техника.

Ее предостережение он сразу вынес за скобки: в первый раз приглашая мужчину к себе домой, женщина обязана произнести нечто подобное. Таковы правила здравого смысла и хорошего тона.

Хотя после двух столь теплых свиданий можно было уже говорить прямо, отбросив этикет.

Ладно, придется потерпеть, в который раз сказал он себе и нажал кнопку звонка.

Открыли не сразу. Сначала в парадной вспыхнул свет, затем Илья заметил промельк внутри выпуклого дверного глазка. Кто-то рассматривал его, включив свет. Когда дверь, наконец, распахнулась, он сообразил, почему Тали хотела проверить, кто звонит.

На ней был коротенький, плохо запахнутый халатик, явно надетый на голое тело. Когда женщина встречает мужчину в таком наряде, это означает только одно...

Илья вошел, поставил коробку на шкафчик для обуви и, не говоря ни слова, притянул Тали к себе. Она не сопротивлялась, лишь прошептала:

— Ну не в прихожей же! Давай хоть войдем в комнату.

Он разжал объятия, она взяла его за руку и повела в гостиную. В самом ее центре, прямо под люстрой, Илья — наконец-то! — удостоился двух горячих поцелуев. Тали обвилась вокруг него, как лиана вокруг дерева.

Вдруг, после третьего, самого страстного поцелуя, она отодвинулась.

— Знаешь, у меня сегодня не получилось ни позавтракать, ни пообедать. Ты не против, если мы сначала умнем пирожные?

— Конечно, конечно! — вскричал он, пьянея от слова «сначала». Тали улыбнулась.

— Все, аванс получил, теперь успокойся и давай пить кофе с пирожными.

На небольшой кухне она запустила кофейную машину, наполнив комнатку одуряющим ароматом. Илья отодвинул один из двух стульев, стоявших возле стола, но Тали возразила:

— Сядь вот тут, это мое место.

Он послушно уселся, куда было указано. Через пять минут перед ним возникла чашка с дымящимся кофе, а пирожные перекочевали на тарелку посреди стола. Тали по-семейному села напротив, взяла в руки пирожное и откусила небольшой кусочек.

— Не похоже, что голодаешь с утра, — улыбнулся Илья.

Тали шутливо отмахнулась:

— Надо же как-то компенсировать обжорство жареными сердцами!

Он взял в руки чашку, осторожно отхлебнул. Для машинного кофе оказался вполне сносным, хотя его нельзя было даже сравнить с тем, который варил Хези. Он протянул руку за пирожным, но Тали вдруг встала, передвинула свой стул и уселась рядом с ним.

— Ешь, ешь, — сказала она, увидев его замешательство. — Я просто рядом посижу.

Илья взял пирожное, отхватил изрядный кус и поднес ко рту чашку, запить. В этот момент Тали положила ему голову на плечо.

«Просто семейная идиллия», — мысленно усмехнулся Илья. Он хотел доесть пирожное, но Тали вдруг резким движением поднялась из-за стола.

— Извини, — произнесла она совсем другим, холодным и чужим голосом, — я кое о чем позабыла. Давай сделаем перерыв.

— Не понял, а как же кофе, пирожные? — удивился Илья, хотя имел в виду совсем-совсем иное.

— Повторяю, я забыла нечто очень важное. Прошу прощения. Давай продолжим нашу встречу через час. Погуляй пока, тут рядом есть хорошие кафе.

Не понимая в чем дело, он вышел из дома и побрел к машине. Ему не хотелось ни кофе, ни пирожных, он хотел лишь Тали, только ее одну.

Илья в сотый раз перебирал каждое из сказанных у Тали слов и решительно не понимал, что послужило причиной внезапной перемены.

Солнце уже низко висело над крышами домов, но жарило при этом нещадно. Илья сел в машину, завел двигатель, включил кондиционер и посмотрел на часы, вмонтированные в приборную доску. Еще пятьдесят минут! Целых пятьдесят минут! Есть время успокоиться. Не ему, а Тали. Что уж такого она могла вспомнить, из-за чего так резко охладела?

Он увидел краешек белой бумаги, торчащей из «бардачка», протянулся поправить, сообразил, что это один из листов досье, распечатанного бывшим агентом Моссада, и вспомнил о занозе. Да, только сейчас ему на ум пришло то, о чем он подумал, сидя на набережной, пообещав самому себе вернуться и проверить, а потом благополучно забыл.

Илья вытащил пачку листов, перебрал сухими от волнения пальцами, один за другим и нашел занозу. Одну из многочисленных школьных подруг Тали звали Эйнав Коэн. Очень распространенное имя и еще более распространенная фамилия. Но в сочета-

нии с его обстоятельствами это вызывает подозрение. Небольшое, минимальное, но требующее проверки.

Он достал смартфон и набрал номер бывшего агента Моссада. Тот выслушал его просьбу, хмыкнул, и ответил после легкой заминки.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это не бесплатно.

— Понимаю. Когда я могу получить ответ?

— Ну, мне надо покопаться. Позвони через час.

Илья оказался перед дверью за пять минут до срока. Ждал, поглядывая на часы, первый раз в жизни шепча молитву. Он просил невидимого, скрывающегося от него Бога, чтобы подозрения оказались напрасными, и чтобы Тали с улыбкой открыла дверь, и жизнь вновь стала прекрасной, полной добрых надежд и радостных удовольствий.

Дверь не отворилась. Выпуклая поверхность глазка оставалась темной, никто не подходил посмотреть, кто так настойчиво трезвонит.

Илья шел к машине, как приговоренный на эшафот. Сел, вытащил пачку влажных салфеток, отер лоб, руки, шею. Набрал номер бывшего агента.

— Да, это она, — без предисловий сказал тот. — Твоя экс. Они близко дружили в школе, потом разошлись, а сейчас снова сблизились. По существу, на сегодняшний момент это ее самая лучшая подруга. Хочешь еще что-то выяснить?

— Нет, спасибо, — еле выговорил Илья. — Это все.

— Был рад помочь. Зайди на неделе в офис, рассчитайся.

— Хорошо, — омертвевшими губами прошептал Илья и повесил трубку.

— Тали, Тали! — он схватился руками за голову и застонал. — Лучшая подруга Эйнав! Значит, она не могла не знать обо мне, а делала вид, будто познакомилась на семинаре. Какое низкое коварство! Да она специально зазвала меня на семинар, забрасывала письмами. Пока я, дурак, не клюнул на приманку.

Он замычал от душевной боли. О Боже, Боже! Я пришел к ней в квартиру. Стоял у двери, потом она обняла меня у входа и еще раз под люстрой. Мы сидели рядом, пили кофе, ее голова была на моем плече. Это ведь именно тот набор фотографий, какие я хотел получить от Эйнав с помощью спецназовца Алекса! Они провели меня, эти две суки! Боже мой, как они меня провели!..

